

Пронкин С.В.

Акты правительственного конституционализма в исследованиях 1917–1985 гг.

Особенности развития историографии. Радикальный политический переворот, состоявшийся в октябре 1917 г., открыл период длительного господства марксистской историографии, элементы которой возникли ещё в предшествующий период¹. Не отрицая научной значимости методологических принципов марксизма, исследования политических процессов в связи с процессами социально-экономическими, борьбой классов, чему не были чужды многие «буржуазные» историки, следует признать, что его сокрушительная победа в общественных науках объяснялась не научно-методологическим превосходством, а политическими причинами, системой административных запретов в отношении альтернативных научных направлений. Однако переход к марксистскому этапу существования исторической науки не был резким. Дореволюционная историография не была однородной идейно-методологически, в политическом отношении в ней присутствовали не только консервативные, но и либеральные, лево-радикальные, включая марксистские, элементы. Поэтому некоторые её представители могли быть в 20-е годы терпимы советской властью в качестве своеобразных интеллектуальных «спецов», которых невозможно было быстро заменить в научном сообществе «красной профессурой». В результате продолжили свою научную и преподавательскую деятельность не только большевик со сложной политической биографией М.Н.Покровский, но и ранее принадлежавшие к иным политическим направлениям Н.А.Рожков, С.А.Котляревский, С.Ф.Платонов, М.К.Любавский, П.Е.Казанский. Впрочем, в своей работе они не могли игнорировать новую политическую реальность, действовали в рамках советской идеологической легальности образца 20-х гг. прошлого века. В сохранении такого состава научно-исследовательских кадров проявился и академический корпоративный дух, позволявший некоторое время держать интеллектуальную оборону от попыток «советизации» науки, и отсутствие в эпоху НЭПа государственной монополии на издательскую деятельность, и общая политическая обстановка в стране, которая отличалась от последовавшей эпохи чисток и идеологических кампаний. Более того, исследователи этого времени получили определённое преимущество перед своими дореволюционными предшественниками, т.к. им стали доступнее некоторые архивные фонды, содержавшие документы политической истории России XVIII – начала XX вв. Советская цензура, утвердив новые идеологические ограничения, одновременно сняла многие из тех, которые существовали в цензуре дореволюционной. Эти перемены благоприятно повлияли на некоторые стороны научной разработки преобразований государственного строя 1905–1906 гг., которые, собственно, впервые стали предметом исторических, а не юридических исследований.

Однако новые возможности не привели к заметному прогрессу исследования правительственного конституционализма XVIII – начала XX вв. Историки старой школы всё-таки находились под подозрением и сосредоточивались на преподавательской, издательской, музейно-архивной работе, предпочитая разрабатывать политически нейтральные сюжеты. Историки нового поколения, советские историки в узком смысле, начиная свою научную деятельность, стремились

---

¹ Об изучении проблемы дореволюционными исследователями см.: *Пронкин С.В.* Акты правительственного конституционализма в исследованиях второй половины XIX – начала XX вв. // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 27. – http://e-journal.spa.msu.ru/27_2011Pronkin.html

специализироваться на более востребованных в новую эпоху проблемах, например, истории революционного движения. И всё-таки в 20-е гг. некоторый интерес к правительственным проектам преобразования государственного строя императорской России сохранялся. Несомненные успехи наблюдались в археографической работе, публикации документальных материалов.

Идеологический режим закоснел не сразу, некоторое время сохранялся относительный плюрализм мнений. Но постепенно интерес к проблеме среди советских историков стал угасать, в конце 30-х гг. и без того маловодный исследовательский «ручей» практически пересох. Главная причина наступившей «засухи» лежала в сложившейся в стране политической обстановке. Бесконечная борьба с «уклонами», начавшиеся масштабные чистки сделали крайне затруднительной и научную, и литературно-публицистическую работу. Из-за этого историография правительственного конституционализма стала ограничиваться преимущественно не имевшими самостоятельного научного значения учебной литературой и общими работами, в которых перечисление наиболее значимых фактов дополнялось их робким комментированием с позиции «классиков» марксизма и с учётом постоянно менявшейся политической конъюнктуры.

Попытки действительно научного изучения правительственного конституционализма наткнулись на идеологические оценки российской монархии, данные В.И.Лениным и И.В.Сталиным, которые в своих публикациях выступали не как учёные, а в качестве радикальных политических пропагандистов. Особенно уязвимой оказалась проблематика революции 1905–1907 гг., активными участниками которой, «героями вчерашних дней», были те, чьи имена теперь приходилось в буквальном смысле вымарывать со страниц изданий, появившихся в предшествующую относительно либеральную эпоху. К тому же проблема конституционализма и законности как принципов, отличающих «правильный» государственный строй от деспотизма, была идеологически крайне уязвима, т.к. для советского псевдоконституционного строя проблема «гарантии прав» представлялась более актуальной, чем для императорской России. В отношении политической и интеллектуальной свободы страна после октябрьского 1917 г. переворота была отброшена далеко назад, поэтому излишнее внимание к истории правительственного либерализма могло быть расценено как скрытая оппозиция установившемуся в СССР общественному строю. Но степень догматизации литературы менялась в зависимости от рассматриваемого в ней сюжета. Она была максимальной в отношении событий 1905–1906 гг. В.И.Ленин, их современник и активный участник, откликался в своих статьях на все повороты правительственного реформаторства этого времени, его предвзятая концепция предельно связывала историков. Но в работах В.И.Ленина, И.В.Сталина, в «кратком курсе» истории ВКП(б) ничего не говорилось о «Кондициях» или «Введении к уложению государственных законов» (далее – «Введение или «План»»), которые представлялись далёким прошлым, находились вне сферы актуальных идеологических и политических интересов советского государства. Это обеспечивало их исследователям некоторую свободу.

Среди историков 30–50-х гг. были те, кто принял требования эпохи то ли под влиянием искреннего убеждения в существовании «тёмного царства» самодержавия, то ли сознавая, что следование историческим схемам, основанным на трудах идеологических «классиков», не только «технологичнее», но и, что имело тогда первостепенное значение, безопаснее. Научное значение их работ невелико. Но даже в это сложное время в советской исторической науке существовало другое направление. Его представляли те историки, которые, соблюдая неизбежные идеологические формальности, внутренне не принимали набирающую силу тенденцию к догматизации науки, продолжали считать себя учёными, а не партийными пропагандистами.

«Сохранить лицо» легче было, занимаясь политически нейтральными проблемами, в нашем случае – политическими проектами XVIII – начала XIX вв. Если присмотреться к содержанию оценок правительственного конституционализма, то можно обнаружить генетическую связь представителей первого, доминирующего, направления с дореволюционной критической, а второго – с позитивной историографией.

Однако столь печальное состояние научной разработки вопроса имело не только своё начало, но и свой конец. «Оттепель», последовавшая за смертью И.В.Сталина и XX съездом КПСС, по своему воздействию на историографию походила на ту «оттепель», которая была связана со смертью Николая I и начавшимися «великими реформами». Впрочем, имелись и различия. Советские историки до самой «перестройки» не обладали той степенью научной свободы, которой пользовались историки второй половины XIX – начала XX вв. Вместе с тем лучшие представители исторической науки второй половины 50 – начала 80-х гг. имели, сравнительно с дореволюционными исследователями, определённые преимущества. Во-первых, марксистская методология, правильно понятая и разумно применённая, могла быть полезна при изучении политических процессов. Во-вторых, для исследователей были открыты практически все архивы, касавшиеся истории России XVIII – начала XX вв. В-третьих, лишённые возможности претендовать на концептуальную новизну, историки этого времени преуспели в источниковедческих исследованиях, которые не были сильной стороной дореволюционных работ. Архивный поиск, сочетавшийся с тщательным изучением документов, позволил в ряде случаев существенно продвинуться в познании проблемы. Наконец, в-четвёртых, феномен правительственного конституционализма ещё в большей степени стал рассматриваться как политически достаточно нейтральный. Большую свободу приобрели исследователи не только конституционных проектов 1730 и 1809 гг., но и «обновлённого» в 1905–1906 гг. государственного строя. Эта либерализация облегчалось тем, что в многочисленных статьях В.И.Ленин, взгляды которого на отечественную историю продолжали считаться каноническими, можно было обнаружить некоторое расхождение в оценках правительственного реформаторства начала XX в., что позволяло несколько расширить идеологические рамки, в пределы которых должны были укладываться выводы и оценки историков. Итак, действительное развитие советской исторической науки в последний период её существования шло в двух направлениях. С одной стороны, происходил осторожный отход от предшествовавших жёстких идеологических схем. На практике это привело к негласной реабилитации некоторых положений дореволюционной позитивной историографии. С другой стороны, шло более глубокое изучение проблемы, основанное на серьёзной работе в архивах, тщательном источниковедческом анализе. Но этими возможностями смогли воспользоваться не все работавшие в 60 – начале 80-х гг. исследователи, многие из которых вполне адаптировались к сложившимся ранее идеологическим правилам, считали их естественными.

«Кондиции» («Пункты») и связанные с ними акты. Марксистская историография событий 1730 г. стала формироваться ещё в дореволюционный период. «Мостом» между её дореволюционным и послереволюционным вариантами стали труды М.С.Ольминского, Г.В.Плеханова, М.Н.Покровского. Написанные при «старом режиме», они приобрели популярность уже после октябрьского переворота². Эти работы редко вводили в научный оборот новые источники, при их написании использовались материалы, уже известные по трудам С.М.Соловьёва, Д.А.Корсакова

² См.: *Ольминский М.С.* Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. Изд. 2. Пг.; М., 1919; *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли // *Плеханов Г.В.* Сочинения. Т. 21. М.; Л., 1925; *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времён. Т. 3. Изд. 3. М., 1920.

или документальным публикациям В.В.Кашпирёва. Их научная новизна состояла в попытке концептуально иначе оценить уже известные факты. Это стремление менее заметно в работе Г.В.Плеханова, более – у М.С.Ольминского и М.Н.Покровского. Плеханов, следуя классовому подходу, увидел в событиях 1730 г. традиционное противоборство высшей знати (боярства) и дворянства (шляхетства). Осторожное политическое поведение последнего он объяснил его промежуточным положением между «фамильными» людьми и крепостными крестьянами: «Оно опасалось, что если родовые люди сделаются господами положения, то начнут теснить шляхетство еще больше, нежели теснили его неограниченные государи. И в тоже время оно боялось, что движение служилого класса против государя вызовет движение крестьянства против служилого класса»³. В наиболее резком и упрощённом виде классовый подход был использован в трудах М.Н.Покровского, в его известной теории торгового капитализма. В столкновении Верховного тайного совета (далее – ВТС) и шляхетства он обнаружил борьбу торгового и аграрного капиталов⁴. К работам Г.В.Плеханова и М.Н.Покровского по своему замыслу (обобщающий труд по истории России) примыкало исследование Н.А.Рожкова. Политическое поведение дворянства в 1730 г. Рожков, как и Плеханов, объяснял его классовой позицией, «в дворянстве заговорил классовый интерес, диктовавший необходимость самодержавия». Его общие оценки были близки концепции Покровского, выводы которого он посчитал общепризнанными⁵. События 1730 г. были в 20-е гг. затронуты в ряде специальных работ. Статья Д.А.Жаринова являлась продолжением дореволюционной историографической традиции. Автор прямо заявил, что в его намерение не входило переосмысление проблемы, он сосредоточился на том её аспекте, который был недостаточно выяснен в предшествующей литературе⁶. Иной характер носила статья С.В.Вознесенского, который, основываясь на опубликованных материалах, пытался оценивать их согласно новым методологическим требованиям⁷. В его построениях чувствуется сильное влияние вульгарно-классовой методологии М.Н.Покровского.

Общее падение интереса к политической истории России, наблюдавшееся с 30-х гг., имело аналогичные последствия и для конституционного предприятия 1730 г., которое специально было затронуто только в статье М.Семина. Главное внимание в ней было обращено не на «затею» ВТС, а на последующие события, «бионовщину», что, думается, объяснялось политической конъюнктурой, необходимостью напомнить о негативной роли «немецкого засилья» в русской истории⁸. Публикация носила научно-популярный характер, в оценке действий ВТС автор следовал традициям критической историографии: намерение верховников сводилось к ограничению самовластия царя узким кругом сановной аристократии. Фактически историография конституционной попытки 1730 г. в это время ограничивалась короткими репликами в учебниках и лекционных курсах, а также общих работах, которые в разной редакции повторяли «критическую» версию событий. Так, В.В.Мавродин сводил содержание «Кондиций» к передаче власти «очень небольшой кучке родовой знати, феодальной аристократии»⁹. Поэтому он отрицал за ними и конституционное, и прогрессивное содержание, полагая,

³ Плеханов Г.В. Указ. соч. С. 185.

⁴ См.: Покровский М.Н. Указ. соч. С. 27–28.

⁵ См.: Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: основы социальной динамики. Т. 2. Л.; М., 1928. С. 91, 100.

⁶ См.: Жаринов Д.А. Шляхетское представительство в 1730 г. // Труды Белорусского государственного университета. 1922. № 2–3.

⁷ См.: Вознесенский С.В. Дворянская реакция после Петра Великого: из истории дворцовых переворотов // Русское прошлое: исторический сборник. 1923. № 2.

⁸ См.: Семин М. Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4.

⁹ Мавродин В.В. История СССР: стенографированные лекции. В 2 ч. Ч. 2. Л., 1938. С. 47.

что успех предприятия верховников привёл бы к ослаблению России, даже к её распаду на отдельные «сатрапии». Эта простая, превратившаяся в стереотип, концепция долго удерживалась в общих работах по отечественной истории. Следовали ей не только гражданские историки, но и юристы¹⁰. Итогом данного этапа развития историографии стала версия событий, изложенная в многотомной «Истории СССР с древнейших времён до наших дней», где интересующий нас раздел написал С.О.Шмидт. Не внося в событийный ряд ничего нового, автор несколько смягчил идеологические акценты. Следуя классовому подходу, С.О.Шмидт объяснил провал ограничительно-конституционных планов тем, что «большинство дворян заинтересовано в укреплении самодержавной власти, являвшейся формой диктатуры дворянства в целом»¹¹. Одновременно он отошёл от излишне примитивной трактовки «затейки», отметил относительную самостоятельность верховной государственной власти, которая в дальнейшем стремилась освободиться от влияния и амбициозных «фамильных людей», и беспокойного шляхетства.

Перелом в исследовании проблемы произвела серия статей Г.А.Протасова¹². Общий ход январско-мартовских 1730 г. событий был ранее детально изучен Д.А.Корсаковым, который, наряду с С.М.Соловьёвым, ввёл в научный оборот тот массив архивных материалов, на котором стояли свою работу несколько поколений историков. Поэтому Протасов поставил перед собой иную задачу – уточнить атрибутику политических документов 1730 г., их хронологическую последовательность, проверить вывод Корсакова, так сильно повлиявшие на общее состояние историографии. В результате Протасов не столько развивал историографическую традицию, сколько, по собственному признанию, действовал вопреки ей, т.к. «действительная картина проектов оказалась, в конце концов, накрепко скрытой под напластованием фактических ошибок и надуманной аргументации»¹³. Иначе атрибутировав документы, признав некоторые анонимные записки, которые ранее связывались с действиями оппозиционных верховникам сил, с ВТС, он значительно изменил представления о мотивах действий Совета, пределах тех уступок, на которые он был готов пойти. Работы Г.А.Протасова также позволили уточнить хронологическую последовательность появления оппозиционных проектов, по-новому взглянуть на такой, казалось, хорошо известный источник, как «Произвольное и согласное рассуждение» В.Н.Татищева, поставить под сомнение существование «политического плана» Д.М.Голицына. Не все выводы Г.А.Протасова представляются бесспорными, некоторые из них нуждаются в дополнительной научной аргументации, но нельзя не признать его тем автором, работы которого внесли наибольший вклад в воспроизведение действительной картины событий 1730 г. Между тем, его исследования не сразу повлияли на состояние исторической науки, т.к. их большинство было опубликовано в малодоступных сборниках, что затрудняло знакомство с ними научной общественности. Так, в появившемся в 1981 г. обобщающем академическом

¹⁰ См.: История Москвы. В 6 т. Т. 2. М., 1953. С. 385; *Мавродин В.В.* Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в., 1725–1773: курс лекций. Л., 1964. С. 119; *Юшков С.В.* История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1940. С. 317. Учебник Юшкова выдержал 4 издания, последнее из которых вышло в 1961 г.

¹¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. Т. 3. М., 1967. С. 263.

¹² См.: *Протасов Г.А.* Кондиции 1730 г. и их продолжение // Ученые записки Тамбовского педагогического института. Вып. 15. Тамбов, 1957; *Он же.* Записка Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. // Проблемы источниковедения. Вып. 11. М., 1963; *Он же.* Верховный тайный совет и его проекты 1730 года: источниковедческое изучение // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов, 1970; *Он же.* Дворянские проекты 1730 года: источниковедческое изучение // Там же. Вып. 2. Тамбов, 1971; *Он же.* Существовал ли «политический план» Д.М.Голицына? // Там же. Вып. 3, Тамбов, 1973; *Он же.* Дворянские прошения 1730 года // Там же. Вып. 4. Тамбов, 1975.

¹³ *Протасов Г.А.* Верховный тайный совет и его проекты 1730 г. С. 84.

исследовании истории конституционализма, где главу о его отечественном варианте написал П.С.Грацианский, содержались ссылки на работы Д.А.Корсакова, В.Г.Щеглова, М.Н.Покровского, но не Г.А.Протасова¹⁴.

Среди «послепротасовских» изданий выделялись монографии А.Г.Кузьмина и А.И.Юхта, в которых события 1730 г. рассматривались как эпизод биографии В.Н.Татищева¹⁵. Работа Кузьмина вышла в серии «Жизнь замечательных людей», поэтому тяготела к научно-популярному или, точнее, научно-литературному жанру. Она не делала открытий, не сообщала новых фактов, но интересна с концептуальной точки зрения. Во взгляде Кузьмина на причины столкновения верховников и дворянства заметно влияние теории М.Н.Покровского, конечно, в смягчённом варианте. Автор объяснял конфликт тем, что ВТС и возглавлявший Коммерц-коллегию князь Д.М.Голицын в 1727–1729 гг. проводили экономическую политику более выгодную промышленности и торговле, чем сельскому хозяйству, что косвенно затрагивало интересы поместного дворянства. К тому же было уменьшено жалование государственным служащим. А.Г.Кузьмин учёл результаты работы Г.А.Протасова, но не принял их полностью, упомянул о «плане Голицына» как реально существовавшем. Автор посчитал ситуацию 1730 г. наиболее благоприятной для решительных преобразований государственного строя России вплоть до начала XX в., конституционное начинание верховников, по его мнению, отнюдь не было обречено на провал¹⁶.

Монография А.И.Юхта являлась полноценным научным исследованием, автор не ограничивался анализом уже опубликованных документальных материалов, но вёл самостоятельный научный поиск в архивах. Это позволило ему перепроверить некоторые выводы Г.А.Протасова. В общей оценке хода событий, в атрибуции связанных с ними документов Юхт близок, но не идентичен ему. Соглашаясь с тем анализом шляхетских проектов, который произвёл Протасов, он не во всём был согласен с ним в оценке анонимных «Способов...» и татищевского «Произвольного и согласного рассуждения». Юхт предположил, что Татищевым была составлена не одна, а две записки. Первая из них, не сохранившаяся, была написана в разгар событий и не являлась промонархической. Вторая же, монархическая, которую имел в виду Протасов, была составлена позже с целью политического оправдания автора¹⁷.

«Введение к уложению государственных законов». Для основоположника советской историографии М.Н.Покровского проблема правительственного конституционализма начала XIX в. не являлась новой, он только продолжил свои дореволюционные изыскания, но в новых политических условиях ещё более «заострил» свои взгляды, сделал их откровенно полемичными. Как и предприятие 1730 г., реформы Александровской эпохи историк трактовал согласно теории торгового капитализма. Покровский связал возникновение и судьбу «Введения» с противоборством аграрного и торгово-промышленного капиталов¹⁸. Увлечение автора доктринёрскими построениями, которые всё более уводили его от взвешенных оценок, особенно проявилось в «Русской истории в самом сжатом очерке». По мнению Покровского, император Александр I «дворянству всегда льстил, всячески за ним ухаживал». Сперанского же автор назвал «буржуазным революционером», хотя и признал некоторую странность подобной характеристики человека, который был очень

¹⁴ См.: История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. М., 1983. С. 239–241.

¹⁵ См.: Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1981; Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н.Татищева в 20 – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.

¹⁶ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 150.

¹⁷ Н.И.Павленко посчитал данные выводы небезосновательными. См.: История СССР. 1986. № 4. С. 195–196.

¹⁸ См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. С. 303.

далёк от мысли о насильственном перевороте, стремился предотвратить революционное «превращение»¹⁹. Со схемой М.Н.Покровского в целом был солидарен Н.А.Рожков, который вообще склонен был смотреть на ход русской истории глазами своего старшего по положению сотоварища по цеху историков-марксистов²⁰. Не менее «социологичен» оказался С.В.Вознесенский, который, правда, разошёлся с Покровским в оценке классового содержания «Введения», мотивов его составления²¹.

Постепенная догматизация советской исторической науки привела к тому, что руководящим началом для неё в 30-е гг. стала оценка правительственного либерализма, данная В.И.Лениным. Создатель советского государства считал его неискренним, вынужденным, половинчатым. «Монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых», – писал он. Низко оценивал Ленин и возможные последствия подобного конституционализма. Он считал, что «представительное собрание, существующее рядом с монархической властью на деле ... является совещательным собранием»²². В результате мнение о «заигрывании» Александра I с либерализмом и о лжеконституционном характере «Плана» постепенно приобрело для большинства советских историков значимость аксиомы. Так смотрел на проблему И.Барер, выступивший против традиционного деления правления Александра I на либеральный и реакционный периоды, т.к. якобы император никогда не был искренним реформатором, но только делал «либеральные жесты». Напротив, М.М.Сперанского историк считал одним из первых идеологов нарождавшейся буржуазии, который стремился преобразовать государственный и общественный строй России по образцу буржуазной Франции²³. Покровский, Рожков, Вознесенский, Барер обычно не открывали новых фактов. Значение их работ заключалось в попытке по-новому, взяв на вооружение марксистскую методологию, как они её понимали, взглянуть на уже известные историкам события. Они стали представителями того направления в советской исторической науке, которое отличалось очевидной идеологической ангажированностью, что подрывало научное значение их работ.

Другое направление советской историографии представлял в 20-е гг. А.Е.Пресняков²⁴. Цель его монографии заключалась в создании политико-психологического портрета императора Александра I, однако затронул он и его государственно-реформаторскую деятельность²⁵. Пресняков использовал марксистскую методологию, но его работа скорее примыкала к дореволюционной позитивной или «средней» историографии, была лишена схематизма и излишней идеологизации. Оценивая «дворянский конституционализм» рубежа XVIII–XIX вв., автор усмотрел в нём коренное противоречие: он не шёл дальше осторожного упорядочения деятельности верховной власти, стремления придать её действиям законность при сохранении всей полноты полномочий в руках монарха и высших правительственных учреждений. Эта умеренность, стремление к сильной центральной власти, по мнению

¹⁹ *Он же*. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1–2. М., 1920. С. 130.

²⁰ См.: *Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 7. Л.; М., 1928. С. 120.

²¹ См.: *Вознесенский С.В.* Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800–1860 гг. М., 1932.

²² *Ленин В.И.* Гонители земства и аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 30; *Он же*. Демократические задачи революционного пролетариата // Там же. Т. 10. С. 275.

²³ *Барер И.* Сперанский и его реформы // Исторический журнал. 1939. № 8. С. 67.

²⁴ См.: *Пресняков А.Е.* Александр I. Пг., 1924.

²⁵ Психологический портрет Александра I в это время попытались составить Н.Н.Фирсов и Г.И.Чулков. Чулков в своих оценках был близок Преснякову, Фирсов отнёсся к императору более сурово, но собственно «План» 1809 г. их интересовал мало. См.: *Фирсов Н.Н.* Александр Первый: личная характеристика // Былое. 1923. № 22; *Чулков Г.И.* Императоры: психологические портреты. М., 1928.

автора, были связаны с воспоминанием о пугачёвщине, с желанием сохранить крепостнической строй. Пресняков не согласился с известной оценкой императора как неразгаданного «северного Сфинкса», посчитал его вполне типичной для своего времени личностью, которая, пусть субъективно, отразила разнородные тенденции и интересы эпохи. Александра I, по мнению Преснякова, манила роль благодетельного диктатора, но на практике ему приходилось считаться с настроениями господствующего класса. Сознание императора историк охарактеризовал как утопическое. «Утопия, – писал он, – это форма мышления о жизни, её отношениях и устройстве, которая стремится разрешить или, вернее, «снять» её противоречия, согласно тем или иным идеальным требованиям, вне условий реальной возможности, без достаточного их понимания»²⁶. С этой точки зрения автор и смотрел на судьбу «Введения».

К данному «оттенку» советской историографии 20–30-х годов также принадлежал Б.И.Сыромятников²⁷. Видимо, не являлось простым совпадением, что и он начал свою научную деятельность ещё в дореволюционный период, поэтому, думается, не без труда мог приспособиться к утверждавшейся практике написания исторических трудов на основе застывших идеологических схем. Его приуроченная к столетию со дня смерти М.М.Сперанского статья, написанная в крайне тяжёлую для научного творчества эпоху, заметно выделялась на общем фоне исторической литературы того времени. Прежде всего, Сыромятников констатировал невыясненность многих сторон деятельности Сперанского и его мировоззрения, отсутствие монографических исследований, которые заменили бы во многом устаревшие дореволюционные работы. Сам автор считал этого государственного деятеля искренним сторонником конституционной монархии, который, первоначально вынужденный маскировать свои взгляды, более свободно высказал их во «Введении», но и тогда был несколько связан официальным характером документа. Более того, (скрыто полемизируя с В.И.Лениным!), Б.И.Сыромятников не согласился с утвердившимся в советской историографии мнением о неискренности либерализма Александра I, который якобы восемнадцать лет «водил за нос» русское общество. Приводя известное письмо Александра Павловича к Ф.Лагарпу (от 8 октября 1797 г.), где будущий монарх высказал намерение дать России «свободную конституцию», произвести силами самой власти «лучшую революцию», Сыромятников полагал, что в этом послании «заключена, хоть и с крайнем преувеличением, вся программа преобразовательного периода правления Александра I»²⁸. В своих оценках «Введения» Сыромятников, не заявляя об этом открыто, оказался близок к предшествующей позитивной (либеральной) историографии, причем в её наиболее бескомпромиссных проявлениях.

Некоторые изменения в исторической науке произошли в 1938–1939 гг. в связи с осуждением исторической концепции М.Н.Покровского. Несмотря на свойственную эпохе разгромно-обличительную форму, кампания имела и положительные последствия. Произвольность концептуальных построений Покровского, его упрощённый социологизм были справедливо осуждены. Так, Н.М.Дружинин подверг критике действительно спорное мнение Покровского о Сперанском как о буржуазном революционере. Но критики Покровского слишком резко «переложили руль», сформировав новый «оценочный стандарт» – теперь следовало подчёркивать ограниченность и половинчатость «Плана» Сперанского, в чём советские историки ещё

²⁶ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 53–54.

²⁷ См.: Сыромятников Б.И. М.М.Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. № 3.

²⁸ Там же. С. 96. Несколько смягчая свою позицию, автор указал, что вопрос об искренности либеральных убеждений Александра I для него был второстепенным.

более сблизилась с некоторыми представителями дореволюционной критической историографии. Сперанский не был буржуазным революционером, полагал Дружинин, напротив, он боялся «превращения», т.е. революции, «за блестящим конституционным фасадом Сперанский сохраняет старые знакомые институты: сословную иерархию, социальные и политические привилегии дворянства, феодальную зависимость крестьян от землевладельца, почти неограниченную власть императора». Поэтому Дружинин отказался считать проект 1809 г. последовательно буржуазным, полагая, что он отражал интересы «более прогрессивного дворянства», находившегося под впечатлением пережитого Россией в 1807 г. военного и политического унижения. Историк полагал, что Александр, как и его отец, боролся с буржуазной революцией, но действовал более тонко, стремился предотвратить её своевременными реформами, о которых, впрочем, более говорил, чем делал²⁹. Пока Александр I не создал Священный союз и не обеспечил себе реакционную гегемонию в Европе, его борьба с революционной опасностью протекала под флагом идеи «народного представительства», уточнил позже свои выводы Дружинин, «в 1801 – 1820 гг. русское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя»³⁰.

Осуждение «школы Покровского» отнюдь не привело к подъёму исторических исследований. Как и другие памятники правительственного конституционализма XVIII – начала XX вв., в 30-начале 50 гг. «План» упоминался преимущественно в учебной литературе. В 1939 г. впервые издал свой курс лекций С.Б.Окунь. Историк считал М.М.Сперанского искренним сторонником «правильной», т.е. конституционной монархии, который до 1809 г. вынужденно маскировал свои взгляды. Но Александра I Окунь оценивал совершенно иначе. Для «властолюбивого и самолюбивого» императора либерализм был только позой, «заигрыванием», целью которого была борьба с идеологией Великой французской революции, писал он, характеризуя, согласно известной позиции В.И.Ленина, политику Александра I как «внешний либерализм, прикрывающий реакционную сущность»³¹. В учебнике «Истории СССР» для исторических факультетов вузов главу о внутренней политике Александра I написала М.В.Нечкина. Её взгляд на проблему был весьма близок оценкам С.Б.Окуня, вернее, – В.И.Ленина. Нечкина также не считала Александра I либералом, но человеком тщеславным и злопамятным, который «умел блеснуть либеральной фразой, но в то же время был сторонником кнута и палочной расправы». Предпринятые попытки либеральных реформ она объясняла «стремлением утихомирить взволнованное общественное мнение, отвлечь его от внешнеполитических неудач», а также предотвратить революционную опасность. Напротив, М.М.Сперанский оценивался автором высоко, отмечались его широкий кругозор, прекрасная теоретическая подготовка, качества крупного государственного деятеля. Остановившись на «Введении», Нечкина подчеркнула его классовую ограниченность, сохранение основных «устоев» режима – самодержавия и крепостного права. Но она не считала план реакционным – «это была робкая прогрессивная мера»³².

Почти идентичной была позиция В.С.Покровского. Его «конспект лекций», открывавшийся восхвалением «произведшей переворот в науке» работы И.В.Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», можно считать квинтэссенцией тех исторических

²⁹ См.: Дружинин Н.М. Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М.Н.Покровского // Против исторической концепции М.Н.Покровского. Ч. 1. М.-Л., 1939.

³⁰ Он же. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России, XVII-XVIII вв. М., 1964. С. 457.

³¹ Окунь С.Б. История СССР, 1796–1856. Вып. 1. Л., 1939. С. 87, 114, 115.

³² История СССР. Т. 2 / Под ред. М.В.Нечкиной. М., 1940. С. 33, 36.

стереотипов, которые укоренились к концу сталинской эпохи, в чём автора вряд ли можно обвинять персонально. Покровский, наряду с Окунем и Нечкиной, считал Александра I «опытным демагогом», «заигрывавшим» с либерализмом. Автор ничего не сказал о его воспитании, доводя до крайности вообще свойственную советской историографии той эпохи недооценку субъективного фактора в историческом процессе. Возникновение «Плана» 1809 г. советский историк-юрист объяснял исключительно объективными причинами – разложением крепостнического строя, противоречиями между политическими учреждениями и растущим капиталистическим укладом, что заставило правящие круги задуматься над вопросом о необходимости уступок развивавшимся буржуазным отношениям. Обратившись к «Введению», Покровский своей главной задачей посчитал указать на его недостаточную радикальность. «Проект Сперанского был робкой попыткой либерального деятеля, не затрагивая устои существующего строя крепостничества и самодержавия, провести некоторые прогрессивные изменения в общественно-политическом строе страны с целью создания условий для успешного развития буржуазных отношений в России», но это не было поддержано «лицемерно игравшим в либерализм императором», – заключал автор лекционного курса³³. Покровский упрекал Сперанского в том, что он сеял иллюзии относительно возможности реформ «сверху», в то время как уже А.Н.Радищев указал на единственный способ радикального решения проблем крепостнической России – революцию.

Новый этап развития советской историографии проблемы открыла монография А.В.Предтеченского. Подготовленная в конце 40-х гг., она в то время не была опубликована по идеологическим причинам. Книга не была посвящена какому-то определённом сюжету правительственной политики первой четверти XIX в., автор, по собственному признанию, стремился исследовать не мелкие подробности государственной деятельности того времени, но значимые мероприятия, которые призваны были внести существенные перемены в организацию власти и систему государственного управления. Понятно, что при таком замысле деятельность М.М.Сперанского приобрела для Предтеченского приоритетное значение. Книга стала примером добротного (в советском понимании) научного исследования, основанного на тщательном изучении источников, в том числе архивных. В форме подачи материала чувствовались не только глубокие специальные знания автора, но и его общая культура. Одновременно монография достаточно противоречива и далеко не бесспорна в своих выводах. Автор подчёркивал свою верность марксистской методологии, заявлял, что его задача состояла не в изменении якобы бесспорных общих оценок, уже сформулированных советскими историками, но во внесении коррективов в «отдельные подробности» разработанной ими концепции³⁴. Предтеченский категорически утверждал, что попытки внесения принципиальных изменений в сложившуюся концепцию были бы антинаучными. Проблема заключалась в том, что предшествующая советская историография, как мы выяснили, основывалась на весьма упрощённых идеологических схемах, следуя которым невозможно было провести полноценную научно-исследовательскую работу. Предтеченский, являвшийся, повторяю, серьёзным исследователем, утверждал, что «Александр возглавлял классовое правительство дворян-крепостников, защита и охрана интересов этого класса была движущей силой его политики», что правительственный либерализм того времени не был искренним, это было пресловутое «заигрывание с либерализмом».³⁵ Думается,

³³ Покровский В.С. История русской политической мысли: конспект лекций. Вып. 3. М., 1953. С. 6, 15, 17.

³⁴ Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 9.

³⁵ Там же. С. 6, 22.

противоречия Предтеченского можно объяснить тем, чем принято объяснять неопределённость характера Александра I: они оба жили на переломе двух отличных по своему характеру эпох.

Для понимания состояния историографии проблемы на исходе так называемой «оттепели» определённое значение имеет написанный А.П.Бажовым раздел в многотомной «Истории СССР с древнейших времён до наших дней»³⁶. Не внося ничего нового в исследование вопроса, публикация продемонстрировала живучесть сложившихся в предшествующую эпоху идеологических штампов. Так, реформаторские замыслы Александра I автор продолжал считать неискренними. Истинными целями императора, полагал историк, было укрепление самодержавия, в чём он и преуспел. Поэтому либеральные проекты начала XIX в. Бажов объяснил политическим позёрством монарха, лавировавшего между различными группировками дворянства, в том числе той, представители которой полагали, что для сохранения основ существующего строя самодержавию следует пожертвовать рядом своих прерогатив. Наиболее дальновидным и радикальным выразителем интересов этого общественного слоя автор посчитал М.М.Сперанского. Заметным вкладом в изучении конституционного проекта 1809 г. могла стать монография В.А.Калягина³⁷. Вновь, после значительного перерыва, появилась работа, специально посвящённая политическим взглядам М.М.Сперанского, но она не стала научным событием. Вскрывая действительные и мнимые противоречия «Плана» Сперанского, связывая их с противоречивостью его общественного положения (выходец из социальных низов, превратившийся в видного сановника), автор пытался определить классовый смысл политической программы этого государственного деятеля, но, кажется, запутался сам. По его мнению, предлагаемые во «Введении» институты были буржуазными по форме, но не по содержанию. На деле проект должен был предотвратить опасное для чиновничества развитие капиталистических отношений, но Сперанский стремился создать государственную организацию, «которая учитывала бы факт развития капитализма в стране». Упрёк Калягина, что Сперанский пытался соединить несоединимое, следует отнести к самому исследователю.

Работы Бажова и Калягина по своей методологии и направленности принадлежали скорее к предшествующему периоду советской историографии. Но в 70 – начале 80-х гг. среди историков усилилось стремление судить о преобразовательных проектах Александровской эпохи менее догматично, что проявилось в работах Н.Я.Эйдельмана³⁸. Они были посвящены «секретной истории» России, поэтому «План» 1809 г., который не составлял тайны, его долгое время не интересовал. Эйдельман «расширенно» трактовал сообщения о конституционных планах и намерениях в русском обществе XVIII – начала XIX вв., создавая несколько преувеличенное представление о распространённости в нём конституционных идей. Необычность работ Эйдельмана заключалась не только в очевидной литературной одарённости автора, но и в его искренней симпатии к конституционным проектам. Он не «зацикливался», как многие советские историки, на проблеме их классового характера и сословной ограниченности, с уважением относился к трудам дореволюционных исследователей.

Рост исследовательской культуры проявился и в возросшем интересе к архивному поиску, что положительно повлияло на содержание работ Н.В.Минаевой и М.М.Сафонова, которые сочетали научную основательность и относительную

³⁶ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. Т. 4. М., 1967. С. 66.

³⁷ См.: Калягин В.А. Политические взгляды М.М.Сперанского. Саратов, 1973.

³⁸ См.: Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия: секретная политическая история России XVIII–XIX вв. и вольная русская печать. М., 1973; *Он же*. Грань веков. Политическая борьба в России, конец XVIII–XIX столетия. М., 1986.

идеологическую свободу. Монография Минаевой была посвящена не только правительственному конституционализму, но и «передовому общественному мнению» эпохи Александра I, конституционный проект Сперанского – только один из сюжетов исследования³⁹. Изучая его, автор широко использовала новые архивные материалы, которые помогли уяснить ход работы Сперанского над «Введением». Приведённые факты, по мнению Минаевой, «свидетельствовали о глубине преобразовательных планов реформатора, которую он тщательно замаскировал», наивно надеясь ввести в заблуждение Александра I⁴⁰. Все проекты Сперанского, завершала свой анализ Минаева, содержали значительную долю буржуазно-правовых принципов, приспособленных, правда, к условиям господствовавшей в России феодальной системы. Сафонов не рассматривал проект 1809 г., но его работа интересна анализом общественно-политической обстановки в России в начале XIX в., личности Александра I, тех общественных кругов, из которых исходили проекты реформ⁴¹.

Манифест 17 октября 1905 г. и другие акты конституционной реформы 1905–1906 гг. Революционные события 1917 г. первоначально благоприятно повлияли на исследования государственно-политических преобразований 1905 – 1906 гг. Впервые были приоткрыты архивы, опубликованы важнейшие документальные источники, раскрывшие секреты «кухни» правительственного реформаторства. Качественно новый уровень доступности источников позволил приступить к собственно историческому изучению конституционной реформы, исследование которой ранее имело резко выраженный юридический уклон. К тому же события 1905–1907 гг., как и вообще последний период существования «царизма», вызывали широкий общественный интерес.

М.Н.Покровский в своих исторических трудах мало интересовался правительственной политикой периода первой русской революции. Поэтому первым её советским исследователем скорее был А.Н.Слепков – талантливый представитель «красной профессуры», занимавшийся в историческом семинаре М.Н.Покровского. Он, по собственному признанию, поставил перед собой довольно скромные исследовательские задачи: научно обработать недавно опубликованные протоколы петергофского и царскосельских совещаний, на которых принимались окончательные редакции ряда актов конституционной реформы 1905–1906 гг. Признался Слепков и в том, что его работа иногда носила полемический характер. Впрочем, публикация имела свои достоинства, отличалась яркостью и чёткостью изложения материала, которых часто не хватало позднейшим работам. Принятая советскими авторами методология заставляла их рассматривать государственные преобразования периода революции 1905–1907 гг. в контексте борьбы классов. Это проявилось и в работе Слепкова, которого интересовал не процесс становления дореволюционного парламента, но классовая борьба в нём. На проблему он смотрит с точки зрения противоборства в 1905–1906 гг. трёх политических лагерей. Манифест 17 октября, полагал он, был завоеванием рабочей революции, последовавшая затем ограничительная трактовка его положений, воплотившаяся в новых Основных государственных законах, стала следствием её поражения и переход в лагерь реакции крупной буржуазии, власть которой олицетворял «буржуа-министр» С.Ю.Витте⁴².

Работа А.Н.Слепкова, которую он сам рассматривал как «приступ» к научной разработке проблемы, не получила продолжения. Даже в появившихся в конце 30-х гг.

³⁹ См.: Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982.

⁴⁰ Там же. С. 131.

⁴¹ См.: Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

⁴² См.: Слепков А.Н. Классовые противоречия в 1-й Государственной думе. Пг., 1923. С. 1, 3, 40.

учебниках истории СССР события 1905–1907 гг. не затрагивались, они, видимо, считались «епархией» историко-партийных работ, точнее, «краткого курса» истории ВКП(б), который трактовал манифест 17 октября 1905 г. и связанную с ним реформу негативно-уничужительно. Манифест многое обещал, но мало что дал, это была уловка и сознательный обман царского правительства⁴³. В результате проблему практически обошёл Е.Д.Черменский, ставший автором одного из немногочисленных в то время монографических исследований политических процессов 1905–1907 годов⁴⁴. Как представляется, это умолчание не было следствием авторской концепции взаимоотношений «буржуазии и царизма», т.к. через тридцать лет он попытался восполнить данный пробел во втором издании монографии⁴⁵.

Редким для того времени исключением стала серьёзная статья Б.М.Кочакова, рассмотревшего эволюции в России XIX – начала XX вв. законодательной процедуры⁴⁶. Попытку реанимировать исследование правового аспекта реформы 1905 – 1906 гг. предпринял в 1939 г. Г.Б.Гальперин. Его статья была посвящена истории возникновения Государственной думы, автор, что не всегда свойственно исследователям-юристам, работал в архивах, использовал неопубликованные документы⁴⁷. Работы Черменского и Гальперина имели примерно одинаковые достоинства и недостатки. Их научный уровень выше памятников предшествующей советской историографии (работа в архивах), но конечная цель авторов, как и вообще советской историографии того времени, сводилась к тому, чтобы на конкретных примерах подтвердить правильность общих выводов В.И.Ленина и И.В.Сталина, разоблачить явные и мнимые ошибки их политических оппонентов.

Несколько позже вопросом заинтересовался Л.Б.Плавник, который приступил к работе над докторской диссертацией «Самодержавие в борьбе с революцией в 1905 году». К сожалению, исследователь погиб, не завершив свой труд, только небольшая часть которого была опубликована⁴⁸. Плавник подробно остановился на обстоятельствах разработки манифеста 17 октября, его работа, отвечая всем обязательным для советской историографии того времени политическим постулатам, всё-таки, если сравнивать её с публикациями Черменского и Гальперина, была менее заражена идеологической риторикой.

Заметный научный интерес к последовавшему в начале XX в. преобразованию государственного строя возник только в конце 50-х гг. Со всей очевидностью выяснилось, что проблема государственного строя Российской империи, его эволюции в начале XX в. относилась к недоисследованным. Знаком усилившегося интереса к ней стала работа Ф.И.Калинычева, но реальный научный прогресс был невелик⁴⁹. Сказывалась высокая степень её идеологизации, нахождение на стыке гражданской и партийной истории. Регулярно к юбилеям первой русской революции появлялись постановления руководящих органов КПСС и установочные статьи в партийной печати, на положения которых следовало ориентироваться исследователям. В итоге

⁴³ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. М., 1945. С. 75.

⁴⁴ См.: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М.; Л., 1939.

⁴⁵ См.: Он же. Буржуазия и царизм в первой русской революции. Изд. 2. М., 1970. С. 255–261.

⁴⁶ См.: Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX–XX веков // Вспомогательные исторические дисциплины: сборник статей. М.; Л., 1936.

⁴⁷ Гальперин Г.Б. К вопросу об истории возникновения Государственной думы: булыгинская дума // Учёные записки Ленинградского юридического института. Вып. 1. М., 1939. Впрочем, это соответствовало мнению В.И.Ленина. См.: Ленин В.И. Первая победа революции // Он же. Полн. собр. соч. Т. 12.

⁴⁸ См.: Плавник Л.Б. Витте и революция 1905–1907 годов // Государственный музей революции СССР. Сборник 1. М., 1947.

⁴⁹ См.: Калинычев Ф.И. Государственная дума в России: сборник документов и материалов. М., 1957.

советская историография сохраняла «родимые пятна» «краткого курса». Среди появившихся во время «оттепели» работ выделялась статья К.Н.Мироненко. Написанная для специализированного юридического издания и посвящённая манифесту 17 октября 1905 г., она не могла не затронуть проблему его правового содержания. Неожиданно, если учитывать утвердившиеся в историографии взгляды, автор оценил данный акт достаточно высоко. Он признал его не лишённым недоговорённостей и противоречий, но «вполне конституционным по форме и содержанию», «обещавшим основные начала буржуазного конституционализма», а отнюдь не фиктивной декларацией⁵⁰. Но все эти комплементарные оценки манифеста понадобились Мироненко для того, чтобы подчеркнуть реакционный характер возникшего позже законодательства, которое якобы привело к отрицанию основных положений октябрьского акта. Конечные выводы Мироненко вполне соответствовали тем взглядам, которые большевики высказывали в обстановке революционного ажиотажа 1905–1907 гг., с некоторой примесью воззрений представителей правого крыла дореволюционной историографии. Мироненко оказался солидарен, не афишируя это, с Н.А.Захаровым и П.Е.Казанским, которых сам же охарактеризовал как близких черносотенцам⁵¹. Ещё дальше по пути критики содержания и итогов реформы государственного строя России пошёл С.М.Сидельников. Вполне в духе «краткого курса» он вскользь признал манифест 17 октября 1905 г. конституционным по форме и содержанию, но данные в нём обещания посчитал изначально лживыми, а возникший в результате государственный строй – лжеконституционным. «В основных законах, – полагал он, – можно сказать, не было ничего, что связывало бы волю монарха»⁵².

Подобные подходы и оценки были типичными и для других появившихся в 60-е годы XX в. исследований. Внимательно читая их, можно почувствовать, что некоторые авторы использовали сложившиеся идеологические штампы с большим энтузиазмом (Н.П.Ерошкин, А.В.Пясковский), другие (А.Д.Степанский, Е.Д.Черменский) не желали в обличении пороков «самодержавной конституции» быть «святое папы», но вообще различие их позиций носило «редакционный характер»⁵³. Только вскользь вопрос затронули А.Я.Аврех и В.С.Дякин, сосредоточившиеся на исследовании проблем «третьеиюньской монархии»⁵⁴. Известно, что между ними возникла острая полемика, но, если исходить из современных представлений, расхождения между ними также не были принципиальными, вписывались в обозначенные выше «редакции». Авторы стояли на одной политико-методологической позиции, подкрепляли свои выводы ссылками на В.И.Ленина, но первый из них был более критичен к итогам политической реформы 1905–1906 гг., второй – менее. Более откровенно свой «ревизионизм» Дякин высказался в работе 1988 г. Формально, писал он, Основные законы 1906 г. превратили Россию в дуалистическую монархию. В ней, по словам В.И.Ленина, сохранялась «пропасть между правами парламента и прерогативами монарха», но предполагалось обязательное участие представительных органов в законодательном процессе, «сам

⁵⁰ Мироненко К.Н. Манифест 17 октября 1905 г. // Учёные записки Ленинградского государственного университета имени А.А.Жданова. Серия юридических наук. Выпуск 10. Л., 1958. С. 162, 166.

⁵¹ См.: Там же. С. 178.

⁵² Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962. С. 96, 112, 113, 378.

⁵³ См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 261; История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах. Т. 2. М., 1966. С. 169. Пясковский А.В. Революция 1905–1906 гг. в России. М., 1966. С. 243–244; Степанский А.Д. Реформа Государственного совета в 1906 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 20. М., 1965. С. 211.

⁵⁴ См.: Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968; Он же. Царизм и IV Дума. 1912–1914 М., 1981; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: разложение третьеиюньской системы. Л., 1988; Он же. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978 и другие.

факт создания и функционирования законодательных палат означал очень существенные перемены в государственном управлении России»⁵⁵.

Недооценка итогов политических преобразований 1905–1906 гг., пренебрежительное отношение к возникшим в это время государственным институтам сохранялась до конца 80-х годов. На этой позиции стоял авторский коллектив академической «Истории буржуазного конституционализма XIX века», где посвящённый России раздел написал Е.А.Скрипилёв. Автор продолжал смотреть на возникший после манифеста 17 октября государственный строй как на «обшитый парламентскими формами абсолютизм», из дореволюционных оценок ему были ближе те, которые трактовали «обновлённый строй» как псевдоконституционный, из советских – аналогичное мнение А.Я.Авреха и Н.П.Ерошкина⁵⁶. Близкой оказалась позиция В.В.Шелохаева, который осуждал дореволюционных либералов за нежелание признать манифест 17 октября лжеконституционным актом⁵⁷.

Относительный консенсус, существовавший среди советских исследователей во взглядах на характер конституционных актов 1905–1906 гг., был несколько поколеблен в 70-е гг. Заметно оживила дискуссию, внесла в неё новые оттенки монография А.М.Давидовича. Автор более лояльно взглянул на вызванную революцией 1905–1907 гг. политическую реформу, немного сдвинулся, естественно, не объявляя об этом, в сторону её, казалось, оставшихся в далёком прошлом «позитивных» оценок. Он высказал несогласие с теми авторами учебников (С.В.Юшков, К.А.Софроненко), которые затушёвывали, недооценивали содержание реформы, настаивали на сохранении «старого» самодержавия. Сам автор характер возникшего государственного строя определил как «конституционное самодержавие». Учебник Юшкова был «классическим» для своего времени. Поэтому, критикуя его, Давидович ставил под сомнение сложившиеся в предшествующей историографии историко-юридические стереотипы и их эпигонов. Подвергнув юридическому анализу Основные государственные законы 1906 г. как итоговый акт реформы, автор признал, что в правовом отношении они соответствовали принятому в советской науке понятию «конституция», а Государственная дума и Государственный совет – представлению о двухпалатном парламенте⁵⁸. Монография Давидовича демонстрировала с каким трудом проникали в историографию более объективные оценки конституционной реформы 1905–1906 гг., с какими идеологическими ограничениями продолжали сталкиваться историки. Сделав свои смелые заявления, Давидович тут же отступил назад, фактически дезавуировал их. Автор стал решительно открещиваться от либеральных оценок актов 1905–1906 гг., которые якобы идеализировали их, подчёркивал, что не ставит знака равенства между понятиями «буржуазная конституционная монархия» и «конституционное самодержавие», которые различаются по своей классовой сущности.

В более осторожной форме новые оценки были высказаны в появившейся одновременно с работой А.М.Давидовича коллективной монографии Н.И.Васильевой, Г.Б.Гальперина и А.И.Королёва. Подвергнув специальному юридическому анализу акты 1905–1906 гг., авторы напомнили о тех резких расхождениях в их оценке, которые были характерны для дореволюционной историографии. Одновременно они указали на относительное единство советских исследователей во взглядах на Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» как документ, обещавший основные

⁵⁵ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С. 3.

⁵⁶ См.: История буржуазного конституционализма XIX века. М., 1986. С. 222–223.

⁵⁷ См.: Шелохаев В.В. Оценка кадетами манифеста 17 октября 1905 г. и Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. // Государственные учреждения и общественные организации СССР: проблемы и факты. М., 1989. С. 119.

⁵⁸ См.: Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма: классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. М., 1975. С. 275, 276–277.

начала буржуазного конституционализма, и отказ тех же историков, за редким исключением, от оценок эволюции формы правления в России. По мнению авторов, ссылавшихся на В.И.Ленина, манифест являлся актом конституционного типа, декларировавшим начала конституционного строя⁵⁹. Однако, оговаривались они, манифест только формально провозглашал данные начала, не являлся фактической конституцией, а император не переоценивал значимость данных им обещаний. Эти идеи в дальнейшем развивал А.И.Королёв, который, констатируя трудность однозначного ответа на вопрос, перерос ли после 1906 г. российский абсолютизм в конституционную монархию, склонялся к мнению о наличии в России узко-цензовой конституции⁶⁰. Более консервативен был Г.Б.Гальперин, который, полемизируя с Давидовичем, продолжил отстаивать свои давние, занятые ещё в 1939 г., позиции⁶¹.

Если историки-юристы попытались смягчить доминировавшие в предшествующей литературе оценки правовых актов 1905–1906 гг. в двух указанных выше монографиях, то гражданские историки предприняли аналогичную попытку в коллективной монографии «Кризис самодержавия в России», ставшей итоговой для советской историографии. Во введении В.С.Дякин констатировал сохранявшееся невнимание исторической науки к кризису системы управления России начала XX в., попыткам выхода из него⁶². Раздел, посвящённый политическим реформам 1905 г. был написан Р.Ш.Ганелиным, который основательно исследовал исторический контекст «правительственного реформаторства», но в политико-юридическом анализе интересующих нас актов ориентировался на мнения, ранее уже высказанные в советской историко-юридической литературе, в частности, А.И.Королёвым⁶³. Впрочем, Ганелин признал, что в результате реформы 1905–1906 гг. монарх лишился неограниченных прав в таких важнейших сферах государственного управления, как законодательство и бюджет. Эти новые, менее догматические подходы к анализу политико-правового содержания «обновлённого строя» проникли даже на страницы официозного «Исторического опыта трёх российских революций». Его авторы, признавая сохранение в Основных законах 1906 г. за монархом обширных полномочий, всё-таки видели их основное содержание в ограничении царской власти «не только формально, но в определённых пределах и фактически»⁶⁴.

Подводя итоги исследованию советскими историками проблемы правительственного конституционализма, нельзя не прийти к выводу о крайней противоречивости его результатов. По сравнению с дореволюционными авторами они на некоторых направлениях существенно продвинулись вперёд, на других – совершили не менее значительное отступление. Движение вперёд было связано с архивной работой, с выяснением новых подробностей правительственного реформаторства. Отступление – с невозможностью или неспособностью адекватно оценить данные факты, которые втискивались в рамки официозной концепции. Однако последний фактор различно действовал «во времени и пространстве», зависел как от характера конкретной эпохи, так и от изучаемого сюжета политической истории XVIII – начала

⁵⁹ Васильева Н.И., Гальперин Г.Б., Королёв А.И. Первая российская революция и самодержавие: государственно-правовые проблемы. Л., 1975. С. 88.

⁶⁰ Королёв А.И. Государственная власть и рабочий класс СССР: история и современность. М., 1980. С. 28–29, 41; Он же. Первая русская революция и манифест 17 октября 1905 г. // Советское государство и право. 1986. № 1. С. 71.

⁶¹ См.: Гальперин Г.Б. Конституционные опыты царского самодержавия в первой русской революции, 1905–1907 // Вестник Ленинградского университета. № 23. Вып. 4. Л., 1982. С. 97.

⁶² Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 8.

⁶³ См.: Там же. С. 298.

⁶⁴ Исторический опыт трёх российских революций. Кн.1. Генеральная репетиция Великого Октября: первая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1985. С. 205–206.

XX вв. В последний период существования советской историографии стали появляться исследования, сочетавшие глубокую проработку проблемы с её относительно свободной трактовкой.

Список литературы:

1. *Аврех А.Я.* Столыпин и третья Дума. М., 1968.
2. *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума, 1912–1914. М., 1981.
3. *Барер И.* Сперанский и его реформы // Исторический журнал. 1939. № 8.
4. *Васильева Н.И., Гальперин Г.Б., Королёв А.И.* Первая российская революция и самодержавие: государственно-правовые проблемы. Л., 1975.
5. *Вознесенский С.В.* Дворянская реакция после Петра Великого: из истории дворцовых переворотов // Русское прошлое: исторический сборник. 1923. № 2.
6. *Вознесенский С.В.* Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800–1860 гг. М., 1932.
7. *Гальперин Г.Б.* К вопросу об истории возникновения Государственной думы: булыгинская дума // Учёные записки Ленинградского юридического института. Вып. 1. М., 1939. С. 41–74.
8. *Гальперин Г.Б.* Конституционные опыты царского самодержавия в первой русской революции, 1905–1907 // Вестник Ленинградского университета. № 23. Вып. 4. Л., 1982.
9. *Давидович А.М.* Самодержавие в эпоху империализма: классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. М., 1975.
10. *Дружинин Н.М.* Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М.Н.Покровского // Против исторической концепции М.Н.Покровского. Ч. 1. М.; Л., 1939.
11. *Дружинин Н.М.* Просвещённый абсолютизм в России // Абсолютизм в России, XVII–XVIII вв. М., 1964.
12. *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
13. *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.
14. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.
15. *Жаринов Д.А.* Шляхетское представительство в 1730 г. // Труды Белорусского государственного университета. 1922. № 2–3.
16. Исторический опыт трёх российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: первая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1985.
17. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. М., 1983.
18. История буржуазного конституционализма XIX века. М., 1986.
19. История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков): краткий курс. М., 1945.
20. История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах. Т. 2. М., 1966.
21. История СССР. Т. 2 / Под ред. М.В.Нечкиной. М., 1940.
22. История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. Т. 3–4. М., 1967.
23. *Калинычев Ф.И.* Государственная дума в России: сборник документов и материалов. М., 1957.
24. *Калягин В.А.* Политические взгляды М.М.Сперанского. Саратов, 1973.
25. *Королёв А.И.* Государственная власть и рабочий класс СССР: история и современность. М., 1980.
26. *Королёв А.И.* Первая русская революция и манифест 17 октября 1905 г. // Советское государство и право. 1986. № 1.

27. *Кочаков Б.М.* Русский законодательный документ XIX–XX веков // Вспомогательные исторические дисциплины: сборник статей. М.; Л., 1936.
28. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.
29. *Кузьмин А.Г.* Татищев. М., 1981.
30. *Ленин В.И.* Гонимые земства и аннибалы либерализма // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 5.
31. *Ленин В.И.* Демократические задачи революционного пролетариата // Там же. Т. 10.
32. *Ленин В.И.* Первая победа революции // Там же. Т. 12.
33. *Ленин В.И.* Победа кадетов и задачи рабочей партии // Там же. Т. 12.
34. *Мавродин В.В.* История СССР: стенографированные лекции. В 2 ч. Ч. 2. Л., 1938.
35. *Мавродин В.В.* Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в., 1725–1773: курс лекций. Л., 1964.
36. *Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982.
37. *Мироненко К.Н.* Манифест 17 октября 1905 г. // Учёные записки Ленинградского государственного университета имени А.А.Жданова. Серия юридических наук. Выпуск 10. Л., 1958.
38. *Окунь С.Б.* История СССР, 1796–1856. Вып. 1. Л., 1939.
39. *Ольминский М.С.* Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. 2-е изд. Пг.; М., 1919.
40. *Павленко Н.И.* Рецензия на монографию А.И.Юхта // История СССР. 1986. № 4.
41. *Плавник Л.Б.* Витте и революция 1905–1907 годов // Государственный музей революции СССР. Сборник 1. М., 1947.
42. *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли // *Плеханов Г.В.* Сочинения. Т. 21, М.; Л., 1925.
43. *Покровский В.С.* История русской политической мысли: конспект лекций. Вып. 3. М., 1953.
44. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1–2. М., 1920.
45. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. Т.3. М., 1920.
46. *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957.
47. *Пресняков А.Е.* Александр I. Пг., 1924.
48. *Протасов Г.А.* Верховный тайный совет и его проекты 1730 г.: источниковедческое изучение // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов, 1730.
49. *Протасов Г.А.* Дворянские проекты 1730 года: источниковедческое изучение // Источниковедческие работы. Вып. 2. Тамбов, 1971.
50. *Протасов Г.А.* Дворянские прошения 1730 года // Источниковедческие работы. Вып. 4. Тамбов, 1975.
51. *Протасов Г.А.* Записка Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. // Проблемы источниковедения. Вып. 11. М., 1963.
52. *Протасов Г.А.* Кондиции 1730 г. и их продолжение // Учёные записки Тамбовского педагогического института. Вып. 15. Тамбов, 1957.
53. *Протасов Г.А.* Существовал ли «политический план» Д.М.Голицына? // Источниковедческие работы. Вып. 3, Тамбов, 1973.
54. *Пясковский А.В.* Революция 1905–1906 гг. в России. М., 1966.
55. *Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении: основы социальной динамики. Изд. 2. Т. 2, 7. Л.; М., 1928.
56. *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.
57. *Семин М.* Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4.

58. Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962.
59. Слепков А.Н. Классовые противоречия в 1-й Государственной думе. Пг., 1923.
60. Степанский А.Д. Реформа Государственного совета в 1906 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 20. М., 1965.
61. Сыромятников Б.И. М.М.Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. № 3.
62. Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С. История СССР. Т. 1. М., 1949.
63. Фирсов Н.Н. Александр Первый: личная характеристика // Былое. 1923. № 22.
64. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М.; Л., 1939.
65. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. Изд. 2. М., 1970.
66. Чулков Г.И. Императоры: психологические портреты. М., 1928.
67. Шелохаев В.В. Оценка кадетами Манифеста 17 октября 1905 г. и Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. // Государственные учреждения и общественные организации СССР: проблемы и факты. М., 1989.
68. Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия: секретная политическая история России XVIII–XIX вв. и вольная русская печать. М., 1973
69. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989
70. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н.Татищева в 20 – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.
71. Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1940.
72. Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. 4-е изд. М., 1961.